

Александр Владыкин Легат инквизиции

Александр Владыкин
Легат инквизиции

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Владыкин А. Е.

Легат инквизиции / А. Е. Владыкин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Каждый человек уникален, обладает только ему присущими качествами. Есть люди, у которых божий дар находится за пределами мыслимого. Эта книга о тех, кто находит этих людей, создаёт из них команды и пытается применить их уникальные способности.

© Владыкин А. Е., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Глава 1

Улица перед кирхой была пустынна, даже бродячие собаки избегали это святое место. Я спешил на вечерний молебен, сегодня вся семья должна собраться здесь. В этот день отец покидал свою мельницу в горах, братья свои приходы в поместьях. Я жил с мамой, мама и заправляла в кирхе. Благодаря её стараниям, в нашей глухомани, остался приют для успокоения души истинным верующим. Я открыл дверь и переступил порог заведения, в котором должен всегда властвовать бог, прихода не было, ни одного знакомого лица, мать лежала на скамье, со связанными руками. Я не понял сразу – она была либо мертва, либо без сознания, я застыл на пороге, уставив свой взгляд на скамью для прихожан. До меня не доходило, что кто-то мог безобразничать в доме бога, до меня, вообще не доходило, что здесь происходит. Отца в углу держало трое людей, слава богу, братьев не было. По кровоподтёкам на лице отца, я понял, что была сварка, переросшая в драку. Драка бы продолжалась и теперь, но с моим появлением всё внезапно прекратилось. Было такое ощущение, что все ждали меня. Отец захрипел, рванулся ко мне навстречу, чтобы защитить от окруживших его врагов, но кто-то из его противников нанёс удар колотушкой по голове, и отец упал, рухнул на пол под иконой святой богородицы. Я хотел подбежать к отцу, но отроки в одеждах святой инквизиции не дали сделать мне и шага. Девушка в сутане, мне показалось, что это была девушка, помахала белым носовым платком перед моим лицом и я отключился от реальности, всё воспринимал, как в спектаклях трубадуров. Меня вывели из кирхи, на улице, перед входом в здание, стояла карета, запряжённая огнедышащими конями из бездны. Двое воинов инквизиции взяли меня под руки, посадили в карету, и мы полетели по воздуху, всё дальше и дальше поднимаясь в небо. Я тогда не узнал, за что меня забрали, оторвали от родителей, мне не было предъявлено ни одного обвинения, я и сейчас не знаю, в чём я провинился перед священной инквизицией. Только помню, что никакой кареты во дворе не было, когда я шёл в кирху, а про коней из бездны я узнал только в обители святого Януария. Я не помнил лица отца и матери, я не помнил того места, в котором жил. У меня были братья. А были ли они на самом деле? Может всё это было заговором, результатом взмаха белого платка, в руках девушки в сутане? Мой сосед по койке посоветовал забыть своё прошлое:

– И чем скорее ты забудешь, будет лучше для тебя. Не стоит терзаться сомнениями из-за того, чего не было, и чего не могло быть. Сегодня двадцать первый век, о какой инквизиции ты говоришь? Ты жил в Германии, ходил молиться в кирху, а здесь Россия, и мы находимся в Калининградской области. И говоришь ты по– русски, а не на немецком. Забудь, мой тебе совет, забудь, и не забивай свою голову ложными воспоминаниями, иначе они не приведут тебя к добру.

– Ты нашла его, Марина?

– Да, Илья Борисович. Я вытащила его из Восточной Пруссии, из поселения венедов, пришлось опускаться в шестнадцатый век. Я его уже успела отправить в лагерь. Слишком много времени ушло на коррекцию памяти, и адаптацию юноши к современному уровню жизни. На освоение языка был потрачен целый день. Учёные, которые занимались парнем, дали гарантию на его внедрение в наш мир. Мы уничтожили церковные записи, теперь никто не узнает, где родился мальчик, и о его странном исчезновении.

– Всё ли так чисто, как ты говоришь? И почему у вас такое странное название лагеря – обитель святого Януария?

– Илья Борисович, для людей из прошлого, даже после адаптации, странными и непривычными кажутся иностранные слова – такие, как лагерь. Вновь поступившим тяжело осмыслить, где они находятся. Поэтому: лагерь – это обитель святого Януария, казармы – это кельи, а сами юноши – не курсанты, а послушники. А в остальном, подготовка спецподразделений осуществляется по последним достижениям науки ведения современной войны. Курсанты раз-

биты на пятёрки, и каждая группа изолирована от остальных. Инструктора следят за выживаемостью групп, в реалиях, приближённых к военным событиям, но пока все их усилия брошены на физическую подготовку курсантов. Воин будущего обязан быть сильным.

Илья Борисович сам проходил подобную школу, он помнил, каким тяжёлым был путь к его краповому берету. Сейчас время ставит другие задачи, а для их решения нужны люди совсем другой формации, нужна совсем другая армия. Илья находился у истоков зарождения этой армии. Никто не знает, как она должна выглядеть, какова её численность, каким будет её вооружение. Представитель Кремля – один из «серых кардиналов», курирующих рождённый проект, намекнул, что на западе пошли другим путём, они тоже строят свою армию будущего, опираясь на развитие способов управления военной робототехникой – это новые конструкции Дронов, беспилотные танки, катера, самонаводящиеся торпеды, ракеты, бомбы. Всё это управляется с помощью аппаратуры, близкой по логическому обеспечению, к компьютерам высокой надёжности и помехоустойчивости.

– Это дорого, очень дорого. Поэтому, наш проект должен быть на порядок дешевле, и на порядок эффективнее. Вы уж, постарайтесь Илья Борисович.

Я пораньше сегодня вернулся с занятий, весь пропахший пылью спортивного зала. Этот специфический запах пота и крови не вымывался даже в душе. Я боялся смотреть в зеркало, после отработки приёмов самбо и джиу-джитсу, моё лицо напоминало перезрелую вишню. Из носа до сих пор сочилась кровь. Тренер и отпустил меня пораньше, в связи с травмой, посоветовав обратиться к санитару. Санитаром была женщина неопределённого возраста с грубым, почти мужским голосом. Кто-то из обительских шутников дал ей кличку – Травести, к несчастью для санитаря, кличка прижилась. Травести протёрла лицо спиртом и дала в руки тампон. Вот так я и вошёл в келью – с высоко поднятой головой и с тампоном, приложенным к носу. В помещении меня ожидал сюрприз. Инструктор говорил, что будут формироваться команды, всё подразделение разбито на пятёрки. Пять человек – это команда. В углу кельи стоял послушник, одетый в монастырскую рясу. Он с удивлением смотрел на меня, на мой спортивный костюм, но больше всего, его внимание было привлечено к моему лицу. Он был негр – чёрный, аки смоль, в его кучерявые волосы были вплетены маленькие ленточки, на груди, вместо креста, висел коготь непонятного животного.

– Самар, представился он.

У нас, ни у кого, не было имён – только клички, которые назывались аватарами. А может это не имя, послушник поздоровался на своём языке? Лично мне, после обработки в лаборатории, заново пришлось учиться говорить. Но мне, почему-то хотелось, чтобы это было именем новичка. Значит и лабораторные программы дают сбой, может у Самара ещё что осталось в памяти, кроме имени?

– Жила.

И я подал руку новичку. Аватарку мне дали ребята за гибкость, меня можно было скрутить, сложить пополам, но никто меня не мог заставить сдаться на татами. Я выдерживал любой болевой приём, и там, где профессиональный спортсмен терял сознание, я выходил победителем, заставляя перенапрягаться соперника.

– Жила не сильный, Жила кого угодно вымотает.

Частенько мне приходилось слышать по углам. Со временем со мной стали отказываться выходить в спарринг, даже на тренировках старались не попадать со мной в пару. Конечно, кому это нравится – проигрывать постоянно. Обидно уступить не сильному, а вот такому Жиле, потом две недели на ковёр выходить не хочется, ещё и девчонки подкалывают.

Я указал Самару на его койку, он вообще-то, был первый поселенец в келье, после меня, мог выбрать себе любое понравившееся место, но Самар послушно положил свой рюкзак в

указанном ему углу. Я ещё не отошёл от горячки борьбы, и если бы не разбитый нос, то показал бы я этому Дуболому. Тренер вовремя остановил бой. Самар не выдержал – задал интересующий его вопрос:

– А, это за что?

Негр пальцем показал на моё лицо.

– А, это за то, что в столовой перловую кашу есть не хотел.

Новичок ещё не понял, куда он попал. Откровенно, мы все не догадывались, к чему нас готовят, вылавливая по всей планете, из разных времён, поэтому я решил немного пошутить – эта перловка достала всех.

Самар – это не имя, это тотем моего племени. У меня в памяти осталось. Самар – это чёрная кошка, большая. Нет, не лев, и не пантера. Правильно – ягуар, чёрный ягуар. Самара нельзя злить, Самар убьёт всех. Ягуары очень злопамятны и мстительны. Самар был вторым членом команды. Третьей была женщина, её привели ночью, когда мы спали. Инструкторы отгородили часть кельи, и у нас появился женский сектор. Знакомство утром началось с того, что Смерека владела непонятной борьбой. Мы с Самаром не могли никак подняться, падали под взглядом пришельницы, подчиняясь движению её руки. Прошло время, пока она не поняла, что мы не враги ей, а такие же, как она – неудачники.

Смереку выловили в горах, наверное, это были Карпаты, она не помнит, когда и как, не помнит ничего, помнит, что ветки в лесу собирала, для камина. Девушка обращалась, только к Самару, я для неё не существовал, она меня просто игнорировала. Я после узнал причину – один из её похитителей был очень похож на меня, и негр казался ей более надёжным, чем этот худой сопляк.

– Ну, и аватарку тебе дали – Смерека, сразу не выговоришь. А Смерека – это что?

Девушка задумалась, покопалась в словесной памяти. В лабораторном лексиконе не было такого слова.

– Смерека – это Смерека, советую запомнить, и не вздумайте его сокращать, всю жизнь на аптеку работать будете.

Вскоре прозвучал сигнал на завтрак, мы с Самаром пошли в столовую, а девушку забрал инструктор. Она не сопротивлялась, у каждого инструктора на поясе висел электрический разрядник. Смереке уже посчастливилось испытать его силу на себе. Я знал, что вновь прибывшей выдадут форму, одежду для занятия спортом, потом она присоединиться к нам. За нашим столом в столовой были все пять порций, значит остальных членов команды ждать не долго придётся. После завтрака, мы втроём вернулись в келью. Нам давалось немного времени перед физическими нагрузками в тренажёрных залах. В келье был полный погром, двое молодых ребят что-то не поделили. Сцепились в мёртвой схватке. Смереке снова пришлось применить свои способности. Мы начали разбираться: одного из ребят звали Рун, другого Сол, на обеих были папахи. Рун помнил, что жил в шестнадцатом веке, где-то в горах, пас овец, а последнее время прятался от воинов хана Искандера в скальных пещерах. Здесь и нашли его послушники ордена инквизиции. Сол не помнил ничего, он даже не помнил почему хотел побить Руна. Наконец, вся команда была в сборе. После тренировки меня с Самаром вызвали на собеседование. В коридоре, перед кабинетом инструкторов, сидели три остальных наших товарища по команде, они уже прошли собеседование, ожидали результата от этих сборов. На собеседовании я понял, что совет инструкторов выбирает командира для нашей команды.

– Жила! Кого бы ты хотел иметь командиром в своей группе?

Мне хотелось ответить честно:

– Никого.

Но я подумал, это ничего не изменит, только всё усложнит, и меня могут перекинуть в другую команду, где выбирать уже не придётся. Комиссия неправильно поняла мои долгие раздумья:

- Хорошо. Мы изменим немного вопрос:
- Кому бы вам хотелось подчиняться, кого вы считаете лидером в своей команде?
- Смерека! Только Смерека.

Председатель комиссии поставил отметку в протоколе.

Глава 2

Сегодня занятия отменяются, всю команду вызвали на общее собрание школы, по-другому эту обитель назвать нельзя. Все ждали появления главного, я уже полгода в этой обители, но до сих пор не знаю зачем я тут. Слухи о главном руководителе бродили между послушниками постоянно, но никогда его никто не видел. Я рисовал картинку в своём воображении: главный руководитель, он, похож на бога, он святой Януарий! Святым Януарием оказался человек, лет пятидесяти, в тельняшке под униформой и в краповом берете. Никаких погонов и знаков различия, но все поняли, что главный руководитель – военный. У главного руководителя было вполне земное имя – Илья Борисович. Речь руководителя была по –военному коротка и лаконична, я понял, что с делением состава на команды, наш отдых закончился, мы приступаем к основному обучению своей воинской профессии. Теперь, наконец, определилось – зачем нас здесь собрали. Мы должны быть воинами. В этот же день у нас сменились инструкторы, про тренажёрные залы можно было забыть. Каждое утро начиналось со взбадривающей пробежки по пересечённой местности с обязательным преодолением водного рубежа. Инструкторы следили за нашим здоровьем. Учебная подготовка проводилась индивидуально с каждым членом команды, и с каждой командой в отдельности. Ребята из других команд изучали устройство современного оружия, у них были практические стрельбы, от нас же этого не требовалось. Оружие мы тоже изучали, только вскользь, что есть такое, и для чего оно нужно. Я спрашивал у Смереки:

- Чего они хотят от нас – эти инструкторы, кого готовят и для чего.

Командир пожимала плечами. После завтрака нас садили за парты и нагружали школьными задачами – развивали сообразительность. Только, потом, на экзаменах, создавали такие реальные ситуации, и мы их должны были решить быстро, ответы сами возникали в голове. Тренировки отработывались до автоматизма.

Я был дольше всех из команды в обители святого Януария, поэтому успел изучить все входы и выходы в этом лагере. Сам лагерь находился в старом замке, на берегу реки Инструч. Замок огорожен земляным валом и рвом, заполненным водой. Это была настоящая крепость, стены возвышались над зданиями с многочисленными кельями. Стены были широкими, по стене, запросто, могла проехать телега, запряжённая лошадь. В стенах были замаскированные бойницы, через которые можно было наблюдать за окрестной местностью, не боясь быть замеченным снаружи. Под кельями было подземелье, оно начиналось в неработающем костёле, но после того, как пропало несколько послушников, подземелье было закрыто и опечатано. Я чуть не пропустил самое главное: в замке были дубовые двери, оббитые железом, закрывающиеся на засов, и мост – настоящий подвесной мост, через канал, опоясывающий крепость. Мы каждое утро пробегали по нему, мост был началом нашего ежедневного маршрута. Потом вдоль развалин каких-то хозяйственных строений, мимо раскуроченных дзотов, вплоть до излучины реки – всё это было нашим хозяйством. Не знаю, охранял ли нашу обитель кто-нибудь? Наверное, заведение было под охраной, но всё было сделано настолько профессионально, что мы даже не догадывались, что находимся под недремлющим оком секьюрити. Каждое утро мы пробегали по одному и тому же маршруту, за два года мне здесь приелся каждый поворот, я с закрытыми глазами мог повторить очерёдность всего, что попадалось нам на пути, любую надпись, выемки, ямы. Я знал на память – сколько ступенек до моей кельи. Прошло много лет,

а я до сих пор помню запах олифы, которой были пропитаны бочки в подвале. Никто не знает для чего они применялись, но для нас это была минутная передышка от потогонной жизни. Мы старались добраться до подвала, чтобы спрятаться в одной из бочек и забыть про невзгоды судьбы, приведшие нас в обитель. Если повезло, и тебя никто не хватился, то можно было до отбоя отсидеться в бочке. Это было нарушение системы, грубейшее нарушение, которое каралось руководством школы, вплоть до отчисления послушника. При моей памяти, троих отчислили, за воровство продуктов, правда, я не знаю, что с ними потом стало. Смерека говорит – пошли в исполнители, их учить не надо – достаточно физической подготовки и знания оружия. Исполнители – это расходный материал, при проведении любой военной операции. Любая атака, любое наступление не обходится без исполнителей. Правда, это дорогое удовольствие, по наводке аналитического отдела выискивать исходный материал, перелопачивая историю Земли. И откуда они знают, где искать Чингиз ханов и Александров Македонских, или просто людей, максимально готовых внедриться в программу подготовки. Нам инструкторы раскрыли секрет, нашу группу готовили для боевого дежурства, мы любыми способами должны были помешать возникновению боевых действий. Да, мы тоже исполнители! Готовы выполнить любой приказ командования, только специфика нашего действия, несколько отличается от других подразделений. Сол с Руном были прирождённые диверсанты, они взламывали любой электронный код, не прикасаясь к приборам, они могли создавать помеху и выводили всю электронику противника. Инструкторы, только корректировали их работу, создавали различные условия на учебном полигоне. Два горца владели страшным оружием, они могли сделать так, что ни один самолёт не взлетит с аэродрома, на кораблях откажет система навигации вслед за управлением, они могли остановить целую танковую армию, сделав её абсолютно бесполезной, Сол с Руном могли поменять коды доступа спутников, создав коллапс в армии противника. Эти два парня были рождены под звёздной радиацией гор, для создания хаоса вселенной в головах генерального штаба условного противника. Инструкторы с большой осторожностью давали им задания, уж слишком опасными им казались исполнители, а результаты их деятельности – непредсказуемыми. Смерека – наш командир, она могла одна сражаться с батальоном противника, у неё был природный дар, силу которого она научилась подчинять разуму. Смерека могла вывести со строя любого противника, или группу людей, она воздействовала на них на расстоянии, и не обязательно, чтобы противник её видел. Я сам, на собственной шкуре испытал её талант. Инструкторы постепенно развили её дар, теперь достаточно было Смереке указать квадрат на карте, чтобы всё живое в этом квадрате было повержено. Смерека не говорила, скрывала от нас, но я знал (вернее, видел, как с полигона выносили трупы после тренировок с девушкой), что Смерека могла проводить свою атаку с летальным исходом, для противника. У девушки были ещё какие-то побочные таланты, их старались развить инструкторы, для нас и для всех – это было тайной. Я до сих пор не пойму, как послушникам удалось спеленать красавицу? Смерека рассмеялась, это был горький смех, с большой долей печали; я своим вопросом затронул что-то личное из жизни девушки. Она призналась: – В этот день она должна была выходить замуж, но вместо жениха и будущего мужа, появились они – из воздуха, с электрошокерами. Меня, просто, вырубил, я даже сообразить ничего не успела, очнулась уже здесь в лаборатории. Меня лишили почти всех воспоминаний, я даже не помню лица своего жениха, не помню жила ли я в городе, или в селе, кажется были горы, думаю, что Карпаты, но из какой страны я, и из какого времени – хоть убей, не помню. С Самаром было проще, он был больше человек, чем все остальные, его способности были более земными. Он владел, не знаю, можно ли это считать гипнозом, но он воздействовал на людей именно таким способом. Правда, предварительно Самара надо было ввести в транс, и тогда люди выполняли безоговорочно все его команды. Он мог построить их в колонны и отправить в пропасть, или утопить в море. Инструкторам тоже хватало работы с темнокожим послушником. Они разработали методику, когда Самар сам себя мог вводить в транс. Сложность была в том, что в состо-

янии транса он не мог контролировать силу своего воздействия. Инструкторы, откровенно, боялись работать с этим послушником. За полгода пропали шесть инструкторов, Самар ничего не мог сказать о их исчезновении. Остался я, про себя писать у меня не получается, скажете, что похваляюсь и специально преувеличиваю значение своего дара, поэтому, помолчу. Несомненно, бог наградил и меня даром, только про него не стоит распространяться. Я мог разговаривать, мог расспрашивать, мог убеждать, и быть бы мне пастором, как мои братья, на худой случай проповедником, но я попал сюда. Меня выкрали, самым бессовестным образом, запечатав мой рот кляпом. Я тоже, как Смерека, очнулся в лаборатории, и тоже многого не помню. Но, по-моему, я местный, абориген, так сказать, правда не знаю из какого времени. У меня, в отличие от других послушников команды, инструкторов не было. Просто наверху не знали, как применять мои таланты в условиях современной войны, что именно развивать. А я многое скрыл от «лабораторных крыс», они слишком мало знали о мне. Наверху решили, что я полностью бесполезен – ошибка аналитического отдела, приткнули меня к команде, заранее посчитав балластом. У меня было больше свободного времени, чем у ребят из моей команды. Они бессовестно, через Самара, использовали моё личное свободное время, превратив меня в слугу. Пока ребята воевали на полигоне под надзором инструкторов, я превращался в швею, в прачку и ещё, чёрт знает в кого. Но сопротивляться дару друга Самара, я был не в силах. Я разговаривал с негром, я убедил его, что так нельзя.

– Но, кто-то должен заполнять журнал дежурств, пришивать оборванные пуговицы, стирать одежду и полотенца. Остальным послушникам некогда этим заниматься.

После этого разговора, Самар стал следить, чтобы остальные члены команды не нагтели особо, ставя передо мной различные задачи.

Смерека выбрала время и вызвала меня на откровенный разговор, она нашла меня в бочке, когда я прятался в подвалах.

– Жила, и долго ты так отлынивать от службы собираешься? Мы проверяли тебя, ты не стукач. И за что тебе такие привилегии? Мало тебе, что не привлекают на полигонные тренировки, так ты и в остальное время стараешься пропасть с виду, прячешься от всей команды, от инструкторов. Кто ты такой Жила, расскажи о себе, раскрой свою душу – что ты хочешь от этой жизни? Если у тебя нет таланта, то как ты попал в команду? Как ты, вообще, попал сюда в этот лагерь?

– В обитель, поправил я командира. И, вообще, не я попал в команду, а вас ко мне подсадили.

– Да, ты прав. Мне кажется, что ты был здесь всегда: обитель и Жила, Жила и обитель, ещё задолго до образования школы.

– Чего я хочу? А ничего, раньше хотел отомстить за то, что меня украли, оторвали от корней. А теперь не хочу, а зачем, что я этим докажу, случилось то, что должно случиться. А, насчёт талантов ты не права, я сам не знаю есть ли у меня талант? Когда я говорю, что умею разговаривать – это значит я могу общаться со всеми живущими на земле сущностями, говорить с ними, понятным им языком. Не понимаешь? Это у меня с детства, я сначала думал, что у всех людей так. Стоило мне увидеть какую – либо букашку: муху, тлю, или таракана, я мгновенно переключался, чтобы насладиться обзором мира в их реальности. Я могу смотреть на вещи их глазами, они совсем не такие, как мы привыкли их представлять. Потом я научился улавливать их мозговые импульсы, мозг у муравья мал, но по объёму мышления он не уступает человеческому, большинство насекомых мыслят образами, у них нет памяти, всё мышление насекомого сводится к простым понятиям: еда, вода, продолжение потомства. Потом мне достаточно было представить место, как я тут же видел, что там твориться, ведя свой обзор в различных ракурсах. Я спокойно мог сидеть в здании и видеть, что происходит на реке в данный момент, при этом пользуясь одновременно зрением и мозгом коршуна, кружившего в небе, и разумом шуки, караулившую свою дичь в воде. Я не знаю, как это у меня выходит,

получалось само собой, для меня странно было слышать, что другие этого не умеют. Не знаю, это и есть мой талант.

– Ладно мы, но ты как мог попасть в сети инквизиции с твоим предвидением?

Я задумался. Кто мог ожидать в безлюдной местности засаду в святая святых – в кирхе. Человек приходит сюда молиться, очистить душу. Командир ударила меня по самому больному, школа научила меня; теперь, прежде, чем сделать шаг, нужно тысячу раз проверить не ожидает впереди тебя какая-то бяка. Я раскрылся перед командиром, теперь думай, что хочешь. Смерека понимала, что это была основная, но не вся информация о таланте. Мы все старались скрыть многое от инструкторов и друг от друга, боялись одного – нельзя было допустить повторного попадания в лаборатории, мы как зеницу ока, хранили свои обрывочные воспоминания о прошлом, и не хотели, чтобы учёные превратили нас в овощи. Смерека всё прекрасно поняла, она сама взялась за развитие моего таланта, хороший разведчик не в одной команде не помешает. Мы каждый день, за час до отбоя уединялись с девушкой за пределами крепости. Коллеги думали – дело молодое, а может это любовь. Только любовь начиналась каждый раз одинаково: Смерека расстилала на земле топографические карты, отмечала квадраты, и я должен был рассказать ей, что вижу. Смерека проверяла меня – прятала какие-ни будь вещи, и я должен был найти их по карте, описать, как они выглядят и где находятся. Поначалу, эти занятия превратились в мучения – ничего не получалось, но потом всё наладилось, иногда у меня получалось предугадывать задание девушки, я тайком от неё старался развить телепатию.

Глава 3

Сол с Руном опять подрались, горячие горцы никак не уступали друг другу, пришлось Смереке их успокаивать, этот раз она, в наказание, заставила обеих забияк простоять час, в позе «ласточка». Все конфликты мы решали внутри команды, никогда не выплескивая грязь наружу. Это было опасно, и каждый из нас понимал это. Наша команда была, как граната, без предохранительного кольца, и только усилиями командира и всей команды, она не взорвалась и не разнесла весь лагерь в щепы. Инструкторы тоже понимали это, и старались, как можно быстрее закончить наше обучение, и курсантов (послушников) превратить в полноценных воинов. Дважды уже в нашей крепости появлялось высшее начальство. Илья Борисович лично съездил на полигон, чтобы убедиться, что работа нашей команды – не блеф, и докладные от инструкторов – это реалии нашей жизни. Армия не любит обмана, Илья Борисович за свою жизнь посмотрелся на интриги верховного командования, теперь у него в руках был козырь – достойный ответ для политиков, использующих армию в своих целях, и не всегда оправдано. Политиков, как и бизнесменов интересуют только деньги, они даже воюют за сферы влияния. Руководитель пошептался с инструкторами, и Смерека получила задание нейтрализовать весь штаб приезжего персонала (естественно без летального исхода). Здесь не надо было команды, командир справилась сама, не выходя из полигонного помещения. Все высшие чины, сопровождающие главного руководителя, взлетели вверх тормашками и были припечатаны к бетонному полу смотрового бокса, вместе с Ильёй Борисовичём.

– Блин! Такое ощущение, что меня парализовало! Не говорить, ни пальцем шевельнуть нельзя. И это всё без какой-либо подготовки. Никак не могу поверить, до сих пор, что это сделала всего одна девочка. А если на неё будет идти лава народа в бронжилетах, вооружённая до зубов? Атака подкреплена армией танков, с поддержкой с воздуха (вертолёты предположим)? Каков будет эффект от использования этой команды?

Инструктор показал видео ежедневных тренировок. Илья Борисович был ошеломлён, волосы его стояли дыбом.

– Ожидал, ожидал всего от нашего проекта! Поначалу, я был не со всем согласен – что можно ожидать от людей из прошлого, некоторые воспитанники взяты из тех времён, и из тех мест, где ещё неизвестен был порох. Они никогда не слышали о современном оружии,

о принципах его воздействия на людей. Да, нам удалось создать противовес западной армии будущего. Всего лишь одна группа – пять человек, может противостоять ей, а сколько таких групп можно создать в будущем?

Илья Борисович понял, что вся информация должна быть засекречена, ему самому не терпелось применить эту секретную команду в деле, чтобы запад понял, что Россия обладает сверхсекретным оружием – армией будущего. А пока. Пока весь штаб проверяющих прогнать через лаборатории, пусть им подкорректируют память, необходимо максимально исключить утечку информации. Илья Борисович остался доволен полигонными испытаниями, он попросил, чтобы ему сделали копию фильма о занятиях команды. Завтра на приём к министру обороны, будет что показать в Кремле главнокомандующему вооружённых сил России.

– Что ты думаешь о последнем визите главного руководителя? Жила, не делай вид, что ты не услышал мой вопрос.

– Думаю, что пора ему занять двойника. Правда, если решили его убрать вверху, то всё равно уберут.

– А можно поподробнее. Смерека покраснела от возбуждения. Мы все знали, что ей нравился Илья Борисович, она смотрела на него влюблёнными глазами, понимая, что он ей в отцы годится. Не знаю, может она видела в нём отца, может это загадка генетической памяти, но для командира Илья Борисович был кумиром.

– Тоже мне, нашла звезду! Одним больше, одним меньше. Нам то какое дело?

– А твоё мнение никто не спрашивает, Сол!

Смерека опять взвелась. Я получил задачу от командира, теперь осталось подсчитать варианты, чтобы исключить риски для главного руководителя.

– На него будет совершено покушение, это не подлежит сомнению. Двойник не сможет помочь Илье Борисовичу. Необходимо провести имитацию его смерти и пожизненно вычеркнуть его из истории.

– Жила, сколько у нас времени есть, чтобы спасти Илью Борисовича?

– Три дня. Специалисты, после получения заказа на ликвидацию генерала, уже начали работать в его кабинете.

– Ты можешь назвать заказчика?

Я нагнулся к уху девушки, но сказал, чтобы услышала вся команда, показав, что у меня нет тайн от своих.

– Господин президент. Его заказал сам главнокомандующий вооружённых сил России.

Девушка отшатнулась от меня, как от прокажённого, она ещё переваривала мои слова.

– За что?

Я читал этот вопрос в её глазах, только у меня не было ответа. Получалось, что всему виной было рождение нашей команды, и это покушение со смертельным исходом на главного руководителя проекта, ничто иное, как ликвидация армии будущего в самом её зачатии. Убив Илью Борисовича легче будет разобраться с остальным. Эта смерть помешает созданию потока команд сверхлюдей. А всех остальных провести через лаборатории, чтобы стереть все воспоминания о сверхоружии. Я не знаю причины и мотивации приказов президента. Он был гарантом обороноспособности страны, ему и карты в руки. Мы, явно, явились не вовремя, и совсем не являлись джокером в политическом окружении президента. Армия будущего обречена на смерть – это было желание народа, желание президента и тех, кто стоят над ним. Смерека стала составлять план, как предупредить главного руководителя проекта о грозящей ему опасности, нужно было вызвать его, выкрасть, доставить в состав подразделения. Мы знали, что генерал находится не в Москве, а в Пскове, ну это совсем недалеко от Москвы, но далеко от нас. Мы просто не успевали по времени, обернуться через три дня со сворованным генералом.

– Не надо никого воровать! Генерал сам прилетит сюда, как и летал раньше.

Я просканировал людей, его обслуживающих:

– Нет, на вертолётчиков надежды мало, с ними поработали люди президента. Нет никакой вероятности, что в один миг, они не направят вертолёт в пике, до удара с землёй. Я ещё раз отработал этот вариант доставки. Генерал сам неплохо управлял вертолётom раньше, когда ещё был курсантом. Вариант с транспортировкой вертолётom я оставил как запасной.

Смерека хлюпала носом в углу. Ненавижу плачущих девушек, особо командиров.

– Не надо никого воровать.

Повторил я ещё раз. Я постарался применить скрытые возможности моего таланта. Я тренировал их раньше на насекомых, зверушках, птицах, с генералами дело иметь не приходилось. Но, скажите, какая разница между мышью и генералом, может зверя тяжелее принудить к действию, чем человека? Я отключился от всех, и начал колдовать (как потом мне рассказали мои товарищи), я старался внушить, через расстояние, через две страны и две границы, в этом, забытом богом Пскове, чтобы вложить информацию в мозг Ильи Борисовича. Это был пакет информации, скомканный временем, но там было всё: и запрет пользоваться служебным креслом, запрет пить воду из крана и включать кофеварку, нельзя пользоваться служебным душем и покупать пирожки у старушек, на входе в офис. Я постарался внушить самое главное, чтобы генерал, незамедлительно покинул офис и вылетел к нам в сторону Калининграда. Я своё дело сделал, оставалось только ждать. Смерека не верила в мою затею, а я ожидал генерала к вечеру, и негласно контролировал ход событий.

– Так, вы говорите покушение? И что организовал его президент? Чушь несусветная! Вы говорите, что вызвали меня, и я не по своей воле здесь?

Смерека бледнела заикалась при разговоре с генералом, пришлось мне брать бразды управления в свои руки. Я же говорил, что умею разговаривать! Этот раз говорил только я, Илья Борисович слушал. Честное слово – никакого внушения. Я показал ему его кабинет, глазами книжного паучка, на подлокотнике кресла был вмонтирован радиоактивный элемент, точечного направления. Стоило в течении часа посидеть в кресле, и вас ждали бы на Крестовском или Орлецовском кладбище. Я показал и другие смертельно опасные тайники. Генерал позеленел, но выслушал меня до конца. Я видел, что он не верит мне. Поэтому я пошел на отчаянный шаг – показал встречу президентов различных стран и переговоры «серых кардиналов» по секретным средствам связи. Я сделал так, что эту информацию видел только главный руководитель проекта при помощи моих безотказных помощников.

И генерал поверил, он понял, что его разменяли в политической игре. Он, невольно, определил события и создал монстра, которого боялся, прежде всего, сам президент и его окружение. Генерал всё осмыслил, и принял решение вернуться в офис. Он усилил меры по своей безопасности, не так-то просто убить боевого генерала. Илья Борисович проверил мою информацию насчет кресла, заварника и душа, все мои опасения подтвердились. Генерала опять вызвали в Кремль.

– Аркадий, этот Илья Борисович опять нам будет мультики показывать про человек-пауков и черепашек – ниндзя. Не верю, не верю в сверх. способности неандертальцев.

Президент выговаривал министру обороны, повторяя слова американского коллеги. Я стоял в стороне, как ненужная вещь, как вешалка, которая давно своё отслужила. Президент даже не удостоил меня своим вниманием. По его выражениям я понял, что меня принимают за обыкновенного шарлатана.

– Я вам мало денег даю на оборону государства? Это вас касается Илья Борисович. (я готов был провалиться сквозь землю, у меня покраснели уши от обиды и стыда, что я позволил так со мной обращаться)

– Хорошо, я дам испытание для вашей команды. Завтра недалеко от Сирии из района Средиземного моря будут проведены учебные стрельбы, ракеты должны попасть по одному из

островов в Каспийском море. Если ваша команда сможет помешать проведению стрельб или ракеты не достигнут назначенной им цели, то я принимаю вашу работу, как зачёт, в оправдание потраченных вами денег.

Я стоял, не жив не мертв. Надо предупредить ребят о новом задании от президента.

– Не надо предупреждать. Я контролирую.

– Жила! Это ты?

– Я, Илья Борисович. Всё будет хорошо, мы отправим ракеты в другое место, в Чёрном море тоже множество бесхозных островов, только вы предупредите соседние страны о учебных стрельбах, чтобы не было никаких инцидентов с рыбаками, или купальщиками.

Глава 4

Смерека собрала команду. Теперь все с надеждой смотрели на Сола с Руном, только они могли обойти защиту ракет и изменить их навигацию в пусковом комплексе. Сложность заключалась в том, что мы не знали, конкретно, откуда стартуют ракеты. В работу подключилась вся команда. Приказ на старт ракет с координатами цели был отдан на следующее утро. У нас была вся обстановка по побережью Средиземного моря около Сирии. Но мы всё равно просчитались – ракеты были выпущены с подводных лодок, все цели в одном направлении. У горцев были считанные минуты для изменения координат попадания. Сол с Руном справились, сожгли всю электронную начинку ракет и в ручном режиме, довели их до безымянного острова в Чёрном море. Я прослеживал их навигацию, глазами дельфинов и черноморских бакланов. Знаете, как тяжело разворачивались эти ракеты! Каждая весом, наверное, с тонну. От безымянного острова ничего не осталось. Вернее, он так и остался безымянным, но уже не островом, а атоллom. Ракеты сделали своё дело.

Позвонил президент, принёс свои извинения. Западная пресса разрывалась насчёт неудачных ракетных стрельб России. Сегодня с утра у генерала всё не ладилось: кофе в гостинице был недостаточно горяч, водитель сообщил о поломке машины, билеты, на скоростной поезд до Пскова, принесли с опозданием. Теперь придётся ловить такси, чтобы вовремя успеть на рижский вокзал до отправления поезда.

И всё-таки я опоздал, поезд ушёл перед моим носом. Кто-то в мозгу хихикнул.

– Жила? Это ты.

– Не-а! Не я, Илья Борисович.

– Врёшь ты всё. Это по твоей команде у меня всё падает из рук, это ты поломал мою машину, это ты подстроил, чтобы я опоздал на поезд. Жила, тебе это не сойдёт с рук, я загоняю тебя по нарядам, дай только добраться до Калининградской области.

– Вот так всегда. Ему жизнь спасаешь, а он нарядами грозит.

И я показал генералу работу спец служб. Приказ отдал лично президент и поезд не доедет до Пскова, уйдёт вместе с мостом в реку, под лёд. Всё спишут на террористов. Генерал понял, что шутки кончились, он свои игры со смертью отыграл давно. Жила всё успел продумать: все считали, что генерал ехал именно этим поездом, просто ему немного не повезло. Генерал пошёл к другу, он не раз выручал его раньше.

– Аркаша! Нужна твоя помощь. Тут такое дело...

Друг приложил палец к губам. Илья всё прекрасно понял. Плохо, что он подставил товарища. Москва – это один из немногих городов, где всё прослушивается, в любом месте, снимается на камеры и фиксируется каждый ваш шаг, каждый вздох, каждое движение. Друг завёл меня в гараж, где в стационарно стоящем «Запорожце» был вмонтирован бар. Там мы и приговорили бутылку грузинского вина. Я рассказал министру про интриги вокруг моего имени, рассказал про инсценировку своей смерти в поезде. Рассказал о роли президента в моём деле. Друг выслушал, ничего не спрашивая. Я попросил его сделать мне новые документы на другое имя и легализовать команду из послушников калининградского замка где-нибудь за рубе-

жом, в маленькой, не играющей большой роли, стране. Мне легче будет командовать ими там, где они находятся далеко от зон отрицательного влияния.

– Пять человек – это будет последняя моя армия. Ты, если будет нужно помочь, не стесняйся, обращайся Аркадий.

Илья Борисович растворился в муравейнике московских улиц. Он даже не захотел побывать на своих похоронах.

– Я умею смотреть и рассказывать.

– Жила, ты опять филонишь? Где мы сейчас должны быть?

Как ей объяснить, что нам туда не надо – на полигон, парашютные прыжки закончатся без нас, а наш вертолёт взорвётся через двадцать секунд.

– Ой, что это было?

Командирша подымалась с земли, а над полигоном были клубы чёрного дыма. Это догорал вертолёт, в котором мы должны были лететь. А теперь начиналось самое интересное. Я не успел отреагировать задохнулся от сонного дыма. Мы все очутились там, куда боялись попасть – в лаборатории, только у нас не стирали память, наоборот, мы должны были изучить кучу европейских языков. Смереке легко давались занятия под гипнозом, эти языки ей казались родными, ни у кого из нас не возникало трудностей с изучением языков, кроме Самара, он как-то себя к европейцам не относил. Но специалисты из лаборатории знали своё дело, вскоре Самар говорил лучше нас, пытался песни петь на словенском, а на болгарском замучил всех нас своими загадками. Никогда не замечал склонности нашего телепата к шарадам. Наши способности с Самаром немножко родственны, только он работает грубее, ему нужна предварительная подготовка, он может воздействовать на огромные массы людей. Я так не могу, это, как тупой косой траву косить.

Я не помню, как мы очутились на подводной лодке, нас переправляли через границу, я не знаю где и каким морем. Предположительно – это было Чёрное море. С нами работали непонятные люди, не наши, я знал, что аналитики находятся в Иранском Азербайджане, исполнители – где – то на Урале, под Челябинском. Эти люди были из ЧВК, я предположительно догадывался кому они подчинялись. После суточной болтанки нас заставили переодеться. Прощай казённые мундиры! Мы были одеты, как отдыхающие – кто во что. Потом ночью нас пересадили на катер – обыкновенный прогулочный катер, каких множество около дорогих туристических отелей. Мы были возле Болгарии, в районе «Золотых песков», руководил нашей высадкой тоже человек ЧВК. Смерека попросила меня прозондировать берег, я и без её просьбы был в постоянном напряжении. Высадку на пляже я забраковал однозначно – это прямо в зубы болгарским пограничникам. Все отдыхающие и загорающие люди на пляже были строго по спискам, компьютеры постоянно сканировали их лица, вдоль полосы отдыхающих, ходили наряды пограничников, переодетые в торговцев, среди отдыхающих находились представители спецслужб. Граница была на замке, сказал бы главный руководитель проекта, про который нам стоит давно забыть. Как это прошло мимо служащих лаборатории. Мы решили внедряться по одному из района купальной зоны, стараясь особо не мелькать на пляже, пользоваться максимально маскировкой, здесь и пригодились знания, полученные в школе. Местом нашего сбора была лодочная станция, возле проката доски для серфинга. Серфборд – это как раз, то что нужно начинающему нелегалу. Возле лодочной станции постоянно толпился народ, я не думаю, что мы надолго задержимся на пляже. Человек из ЧВК, раздал нам местные газеты, это было лучшее средство для маскировки в зоне отдыха. Все туристы ходили по пляжу с заклеенными носами. Смерека закуталась в болеро так, что был виден только кончик носа. Никто не ожидал, но нас встречали именно здесь – в районе лодочной станции. Это был Илья Борисович – бывший руководитель нашего проекта. Именно этому человеку мы обязаны всеми неудобствами в

наших жизнях. Но у меня не было злости на этого человека, он сам оказался разменной фигурой в крупной политической игре. Я его не узнал в костюме ортодоксального еврея, живущего по законам Галахи. Странно видеть, под знойным солнцем, человека в чёрной шляпе со слипшимися от пота пейсами за ушами, и только разговор выдавал в нём нашего руководителя. Нужно просто знать и принимать за догму – в Болгарии все ортодоксальные евреи бывшие русские, но даже став хасидами, они не изменили русскому языку. Илья Борисович показал нам на автомобильную стоянку, где ожидал нас скромный фольксваген. Мы с облегчением залезли в салон автомобиля. Вся команда была в сборе. Илья Борисович направил автомобиль на север страны, мы дважды пересекли границу, пока не оказались в Словении. Илья Борисович привёз нас в Марибор, здесь у него был дом и пошивочная мастерская, специализировавшаяся на пошив мешочной тары для сыпучих материалов. Мастерская – громко сказано, два оверлока и несколько швейных машин. А мы – как наёмные рабочие. Илья Борисович был завсегдатаем в городской еврейской общине, и большую часть времени проводил в молениях. Дом недалеко от синагоги и был конечной нашей целью, последним этапом нашего пути. Я уже знал, что здесь мне доверят сбыт готовой продукции, заготовкой материала для производства мешков, хозяин занимался сам, а остальные в швейный цех.

– Наша задача легализоваться, как можно надёжней, документы у всех в порядке, придраться сложно, лет десять придётся пожить скромно без войн и операций. Генерал объяснил нашу основную задачу за границей. Команда, всем составом, ушла «в подполье». Выдержали бы мои нервы – десять лет ругаться с заказчиками, скоро я сам превращусь в мешок для вермишели. Генерал на неделе пришёл с синагоги пьяным в смерть, что поделаешь – в каждом словенском еврее очень много русских привычек. Генерал извинился перед нами утром, и рассказал, что это полный провал проекта. Президент нас слил западным спецслужбам.

– Теперь ваши фотографии, вместе с моей, мелькают на всех страницах газет и журналов, я молчу про телевизор и интернет. Если меня вырчит пластика, то что с вами делать – не знаю. Если даже продать всё, продать фабрику, у нас не хватит средств, чтобы расплатиться за пластические операции. Смерека приуныла: ей так нравилось её лицо, мы были в шоке, в любой момент надо было ожидать представителей тайной полиции. Это был удар по репутации нашей команды, видимо в окружении президента не поверили в нашу смерть, решили перестраховаться. Но в любом случае – это выглядело, как предательство. Блин! При Сталине вешали предателей горстями, за более мелкие преступления перед отчизной, а тут такое... и сам президент, гарант конституции и безопасности государства!

– Что будем делать? – спросила Смерека.

– Не знаю, не уверен, но стоит попробовать.

Я решил раскрыть ещё одну маленькую способность своего таланта. В детстве я тренировался на собаках, получалось вылепить из них кого хочешь. Возле мельницы отца бегали различные животные, похожие на пластилиновые детские поделки. Здесь были овцы, лошади, ослы и всё это стадо гавкало на редких прохожих. Считалось, что на мельнице водится нечистая сила. И это её проделки. Неправда, это я их лепил, и я каждый день бегал умываться к ручью. Как это у меня получалось, я не знаю сам. Давно это было, но надо попробовать. Я, как мог, объяснил командиру чего хочу, мне нужно было её согласие и согласие каждого члена команды на проведение «операции», я всех предупредил заранее, что художник из меня не важный, красавцев вылепить из вас никому не обещаю, но физиономия будет у каждого неузнаваемой. Ребята согласились – а куда деваться? Первым на операцию решился Самар, блин, я ему, что только пол не поменял, вылепил из негра то ли бразильца, то ли мексиканца, он даже посветлел слегка. Не знаю, мне понравился, теперь он был то ли метисом, то ли мулатом, но гринго из него получился неплохой. Самар побежал к зеркалу в соседнюю комнату – раздался громкий звериный рёв и бой стекла предупредили меня, что с операциями надо завязывать, на время. Самар гонялся за мной целую неделю, пообещав подправить мне физиономию без операции,

из меня должен неплохой бурят получиться. Гад! Сглазил. Потом Смерека, чуть ли на коленях не стояла предо мной, упрашивала продолжить начатое дело. Борисович, поначалу не верил в эти шаманские преобразования, но после того, как увидел Самара у него все сомнения отпали. Негра, даже родная мать не узнала бы. Меня опять усадили в «операционной», чтобы продолжил творчество.

– Лучше быть уродом, чем провести остаток жизни в одиночной камере тюрьмы для особо опасных преступников.

В этом я был солидарен с новоиспечённым ортодоксальным евреем. Илья Борисович не любил, когда его так называют. Из горцев получились стопроцентные японцы, с примесью вьетнамской крови. Они никак не хотели желтеть заразы. Я вылепил их в один приём, они были похожи друг на друга, как однойцевые близнецы. Смереке их улыбки не понравились, в этих японцах было что-то хищное, настораживающее, змеиное. Смереку пришлось связать перед операцией, она нервничала, дёргалась, поэтому из неё получилась индийская красавица, которую пригласили сниматься в фильме ужасов. Смерека посмотрела в зеркало и побежала в лес, прихватив с собой верёвку. Нам пришлось доставать её из петли. Тяжелее всего было лепить своё лицо, я подумал, и оставил его бесформенным, уродливым и похожим на всех. Это было лицо настоящего шпиона-нелегала, его тяжело было запомнить.

Глава 5

Городок был не большой, поэтому наряду с общепринятыми городскими достопримечательностями, нашего командира в народе называли «королева-уродина», хорошо, хоть Смерека о этом не знала, она перестала дружить с зеркалом, ещё больше опустилась и соответствовала народному названию. Я не страдал угрызениями совести, я честно предупредил всех, что не Рафаэль и не Микеланджело, скорее Пикассо. Кому не нравится лицо, могу переделать, только получится ещё хуже. Не знаю, Илье Борисовичу всё нравилось, он через своё церковное общество уже успел заказать новые документы для своих рабочих-нелегалов. Блин! На фотографиях мы выглядели ещё хуже, чем в жизни. Видимо Смереке кто-то из местных жителей сделал замечание об облике. Её прорвало, она резко решила поменять имидж. Обратилась к стилистам, посетила парикмахерскую, косметический салон – бог ты мой, Смереку было не узнать: она постриглась на лысо, вставила пирсинг в уши, в пупок, в нос, одела белый джинсовый костюм сорок восьмого размера и невольно стала притягивать взгляды случайных прохожих.

– Самый лучший способ маскировки для разведчика – это быть у всех на виду, – говорил наш работодатель.

Смерека полностью соответствовала его изречению. Люди заметили изменения в девушке, и стали называть её «белой королевой», она так была похожа на эту шахматную фигуру. Вскоре дом, в котором мы жили, пошивочную мастерскую где мы работали, местные жители связали с именем «белой королевы».

– Где эта мастерская пошива мешочной тары? – обращался заезжий экспедитор.

– Это там, в центре, возле Иудейской башни, вы увидите дом «белой королевы», а нет, так у любого спросите, вам покажут.

В каждом русском словенце есть частичка еврея. Для Ильи Борисовича это было новостью, что его мастерская стала популярной в государстве благодаря его наёмной работнице. «Белая королева» стала брендом для сыпучей тары. И если вы случайно увидите изображение шахматной фигуры на мешке, покупая, сахар, или крупу, то значит этот мешок изготовлен в Словении на фабрике Лейба Михельсона (настоящее паспортное имя Ильи Борисовича).

Мы уже год находились в Словении, стали настоящими мастерами своего дела, и уже почти забыли обитель святого Януария, и к чему нас там готовили. Но генералу пришло сообщение из Москвы. Президент в России давно поменялся, укатил жить в Америку, вместе с третью, золотого запаса страны. Почти никого не осталось из его сподвижников в Государственной думе, правительство ушло в отставку. При новом президенте вспомнили про нашу программу.

Лейба Иосифович, вместе с рядом молодых продвинутых хасидов, уехал на международный симпозиум в Ленинград.

Мне предложили возглавить новый проект оружия будущего. Я отказался, в окружении людей со скептическими улыбками. Это были истинные патриоты, но я их абсолютно не знаю, наверное, были лейтенантами, когда я начинал работать над этим проектом. Они были чужие для меня, их видение современной армии расходилось с моим мнением. Они ратовали на увеличение боевого потенциала – «не умением, так количеством», совсем не задумываясь о том, что эту армию нужно будет содержать. Такая армия скорее съест страну, чем её уничтожит неприятель. Меня они, вообще, принимали никак, для них я был раритет, с которого иногда нужно вытирать пыль. Я понял, что за основу развития армии будущего взят план НАТО – модернизация, автоматизация, дроны, ракеты, робототехника. Это было более осязаемо, чем я предлагал, в денежном эквиваленте так же. Опять армия тянет на себя одеяло, превращая нефть, газ, алмазы, золото, большую часть валютных резервов в мифологию стратегической государственной обороны. Все деньги уйдут, как в прорву, будут уничтожены, списаны, сворованы, спрятаны в офшорах. С нулевым результатом. Я отказался. Не верю я никому – не президенту, ни новому руководству армии. Спасибо тебе Аркаша за помощь. Теперь я никто, и армия моя при мне. Говоришь, надо Родине послужить, утереть нос кое-кому, это мы с большим удовольствием, а то мне эти мешки с Талмудом – вот где!

Друг ввел меня в курс дела. На западе тоже не пошло всё гладко с программами построения армии будущего. Деньги имеют свойство пропадать и кончаться, когда не положено. Люди они везде одинаковы – хоть у нас, хоть на западе. Там вопрос стоял серьёзнее, шёл разговор о сворачивании построения армии будущего. В сенате шли сплошные споры, когда касалось выделения денег на эти цели. Лобби уже не справлялось, вся программа была на грани срыва. Руководитель проекта решил прибегнуть к действенному способу – нужна была небольшая победоносная война, в которой можно испытать уже готовое оружие будущего. Генералитет думал над выбором страны, где НАТО не будет представлено агрессором, и всё это под соусом защиты демократических ценностей. Куба? Пока не по зубам. На Кубе мы в информационной войне проигрываем. Сирия? Нет. Это второй Афганистан. В Сирии можно завязнуть, и надолго. Венесуэла? Это как раз то, что нужно. Вокруг Венесуэлы давно ведутся политические баталии, народ устал от безработицы, безденежья, президентской диктатуры, непонятно, куда уходят деньги от проданной нефти. Генералитет остановился на Венесуэле. Выбор страны был сделан. Осталось придумать способ, чтобы ввести армию.

– В Венесуэле мы не должны проиграть. Нужно показать миру на что способна новая американская армия, иначе проект закроют.

Илье Борисовичу не надо читать мысли руководителя американским проектом по строительству армии будущего, он с недавних пор, сам в таком же положении. К сожалению, генерал проиграл свою войну политикам, не смог отстоять свою точку зрения.

– Что-то изменить в создавшейся ситуации, у нас вряд ли получится, да и времени, практически, не осталось. Военная машина уже запущена, генералитет НАТО разрабатывает планы. Изменить ничего не сможем, зато крови попортить кое-кому, это с великим удовольствием.

И Илья Борисович пошёл закрывать фабрику. Через некоторое время из Люблины вылетел самолёт в сторону южной Америки. На его борту находились туристы из Марибора. Стюардесса никак не могла определить национальности этой разношерстной группы.

– Эти двое, наверное, из Японии, их сосед на родину летит, венесуэлец, наверное. Я сошёл за словенца, а Смерека была турчанкой, или хорваткой. Русским из нас был только один – ортодокс Лейба Иосифович.

– Где вы видели еврея с носом, как картошка, который после бритья пользуется одеколоном «Шипр»?

Мы прибыли в Каракас поздно вечером, а утром нас генерал всех озадачил. Целью были диверсионные группы вдоль границы государства, и если повезёт, то обнаружение диверсантов внутри венесуэльских городов. Блин! Вся команда собралась вокруг меня. Я им что – Оракул? Здесь вдоль границ, в городах и в горах столько людей, половина из них с оружием. Каждый день в Венесуэлу мигрируют тысячи туристов, похожих на нашу «Белую королеву» – все лысые, обвешенные сувенирами и в наколках. Условно их всех можно считать диверсантами и террористами. Прошло немало времени, пока я научился безошибочно отличать террористов от туристов. В любом деле нужна постоянная тренировка, тогда приходит опыт, а с ним и мастерство. Сканирование большого количества людей – это рутинная работа, даже если сканировать выборочно, это очень утомительно. Не благодарное это дело копаться в чужих душах, без спроса влезать в самое сокровенное, что есть у человека. Но приказ надо выполнять, а что делать? Иначе террористов не найдёшь.

Есть! Я, кажется зацепился: эти две симпатичные девочки были наводчиками, а их импозантные спутники – исполнителями. Весь город был усыпан взрывчаткой, во всех урнах, во всех магазинах, на базаре, в офисах ведущих компаний – сильная пластиковая взрывчатка, изготовленная на американских заводах. Блин! Что делать? Нашей группе на месяц работы, чтобы убрать этот мусор. А девочки уже успели «маяки» установить. Значит скоро будет атака, и взрывчатку активируют с воздуха. Я опять взялся сканировать границы соседних стран. Фу – ф, это будет не ракета, я нашёл американскую военную часть, здесь готовили беспилотники к полёту, проводили последнее опробование летательных аппаратов. Смерека быстрее всех въехала в проблему. Я выполнил свою часть работы – нашел террористов, остальное пришлось доделывать Самару. Он устроил ночной аврал среди дворников и просто небезразличных людей, любящих чистоту. За час венесуэльские бомжи собрали всю взрывчатку и отправили на городскую свалку, а маяки ухитрились поместить в американском посольстве и в офисах американских компаний. Но это было ещё не всё, два брата горных японца, сделали так, чтобы не взлетел ни один беспилотник. В оригинале получилось ещё интереснее, беспилотники взрывались в воздухе, сразу после пуска. Военные не знали, что делать, а венесуэльские пограничники не знали, что думать, наблюдая за фейерверком в небе Бразилии. Это было фиаско, операция генералитета НАТО полностью провалена, управляющий проектом лично прибыл в воинское подразделение, отвечающее за вторжение в суверенную страну. Сразу после его прилёта, был задействован план «Б». Исполнителям была дана команда перейти на ручной режим, чтобы задействовать взрывчатку. Эти импозантные мальчишки имели на вооружении ручные гранатомёты, с самонаводящимися снарядами.

– Работаем по маякам, – раздался приказ командира диверсантов.

– Да, да, только по маякам, – услышали мы голос Самара.

Блин! Одно за другим взрывались посольства, и почему-то только американской миссии. А в посольстве Израиля, в этот момент, был бал, почти все Американцы были приглашены на торжество. Самар остался недоволен: столько работы, столько взрывов, и почти никто не пострадал. Про Израиль мы как-то забыли, он как всегда, оказался в стороне от интриги. Лейба Иосифович довольно потирал руки, его нос стал красным, как помидор. Таким образом генерал выражал своё довольствие.

Американцы всё перекрутили (не без подсказки англичан конечно) они обвинили во взрывах американского посольства правительство Венесуэлы, но перейти в неприкрытое наступление не решились.

– Что-то пошло не так, – подумал руководитель американского проекта.

– Без России здесь не обошлось!

Сенатору везде мерещились русские, он уже был не рад, что ввязался в эту авантюру с нападением на маленькое беззащитное государство. Командующий НАТО отменил приказ о наступлении. На приграничных аэродромах разогревали двигатели самолёты, снаряжённые

бомбами и ракетами, вдоль всей границы стояли танки, в Средиземном море ждали приказа штурмовые катера, техники проверяли заряд и работоспособность роботов-десантников. Было где разгуляться нашим братьям-японцам. Даже у меня от их змеиных улыбок в душе кошки скребут. Я просканировал нейтральные воды у границ Венесуэлы. Братья организовали там восстание роботов, для меня этого было достаточно, чтобы увидеть, как десантные катера обстреливают корабли НАТО. А сами катера тонули один за другим от ответного удара коалиции. Роботы проигрывали в этой войне, но смогли нанести ущерб кораблям. Я думаю, что только ремонтом здесь не обойдёшься. К «японцам» подключился Самар. За взрывами танков и самолётов я уже не наблюдал. Мне достаточно было морской баталии. Смерека оказалась не у дел, и явно скучала.

– И на твоей улице будет праздник!

Успокаивал её генерал. Илья Борисович улыбался. Его проект победил западный. Он был доволен. Первым его поздравил Аркадий:

– А может ты передумаешь? Илья отрицательно покачал головой:

– На переправе коней не меняют!

Глава 6

Падре разговаривал по-русски с болгарским приятным акцентом. У таксиста глаз был набит на иностранцев. Он ошибался, падре не болгарин, но таксист не считал себя полиглотом – для него, что словенец, что румын, что болгарин, одинаково. Нерусь, здесь среди поляков, латышей и литовцев другие не водятся. Вадим не был националистом, но всё же, обидно, когда Калининград не считают Россией из-за таких, как этот болгарин. Падре попросил отвезти его в обитель святого Януария.

– Это в лютеранский замок, что ли?

Падре промолчал. Илья Борисович не был уверен в местном названии обители. Его когда-то привозили на вертолёте, прямо на площадь, перед замком. На такси он едет в первый раз. Илье было интересно, что-нибудь осталось от его проекта. Илью, конкретно, интересовали лаборатории, вернее учёные, работающие в них. Таксист подвез его почти к самым воротам замка.

– Здесь никто не живёт. Раньше была колония для малолетних преступников, а потом её разогнали, ещё при бывшем президенте.

Илья Борисович попросил таксиста подождать, а сам прошелся по опустевшим кельям. Да, от лаборатории ничего не осталось, даже стёкла в окнах побиты. Подвалы тоже были распечатаны.

– Но это зря, – подумал генерал. Слишком много людей пропали в этих подвалах, кто-то из учёных говорил, что может быть там находится портал в прошлое?

Илья Борисович готов поверить в любую нелепицу, после работы статистов из северного Ирана...опять же лаборатория – как камень преткновения, именно из лаборатории они получали почти готовых солдат. Илья Борисович вспоминал: за обителью числилось полтора тысячи курсантов...где они. Осталось пять, это те, что рядом с ним. Генерал из Венесуэлы направил ребят домой в Словению, в Марибор, а сам сюда, в Калининградскую область.

–Всё же скучаю за Россией, – подумал генерал. Ностальгия!

Таксист, в нетерпении, сигналил.

– Действительно, загулялся я здесь, ищу, не знаю, чего. Сколько времени прошло? Половины людей, работающих в лабораториях давно, в живых нет. А, вдруг!

Падре уезжал назад в Калининград. Ему показалось, что в лаборатории горел свет, кто-то пытается зажечь свечу. Нет, показалось! Генерал перестал оглядываться на замок, тающий в вечернем мареве. Его пасли. Он узнал работу русских спецслужб.

– Шаман вернулся в город.

Донесение агента ушло, к адресату, по каналам спутниковой связи.

– Аркадий Петрович, вы говорили, что у вас друг в Венесуэле.

– Кто таков? Не знаю.

– Все вы прекрасно знаете. Просто, сегодня отправляю наших ребят в Венесуэлу. Хотелось бы, чтобы их встретили, кто-нибудь из своих. Чтобы они почувствовали, что не одиноки – здесь, на краю земли.

Аркадий Петрович смотрел в глаза «серого кардинала» с явным непониманием, чего от него хотят.

– Ну этот, друг ваш, Шаман, или как его, не мог бы организовать встречу наших ребят?

Аркадий Петрович выдержал паузу после фразы начальника.

– Не знаю такого.

Петрович действительно не знал, он был осведомлён о псевдониме генерала, данного ему на Родине. Петрович не знал, где в данный момент может находиться Илья. Ещё вчера он был в Калининграде, выехал в сторону Клайпеды, а сегодня... бог его знает. Петрович не кривил душой – Шамана в Венесуэле не было, Аркадий не мог представить друга в образе «свадебного генерала». Это был бы бесплатный подарок для американских спецслужб. Аркадий не видел Илью после пластической операции, и вряд сам его опознает. Уже прошло более пяти лет, хотелось бы встретиться, поговорить за чаркой водки с солёным чёрным хлебом, как раньше, в пору своей молодости, когда были зелёными лейтенантами.

– Мечтать не вредно, – подумал Аркадий Петрович, – только эти мечты тяжело осуществить. Аркадий знал, как усовершенствовалась шпионская техника. Мир такой большой, но как тяжело в нём спрятаться.

«Серый кардинал» смотрел на своего подчиненного, этот «мастодонт» достался ему от предшественника. Он не любил бывших военных, Аркадий Петрович даже в совете министров успел поработать. Помощник президента знал, что для «мастодонта», выход на пенсию – это спасение.

– Но, кто его отпустит! Петрович один может заменить всё ведомство армейской разведки. Он лучше всякого ЭВМ знает психологию противника. Таких людей нельзя отпускать. Помощник президента подсмеивался над возрастом подчинённого, но уважал его за ум и несгибаемый характер. Сам помощник был ровесником президенту, и во всём поддерживал его. Он знал, что Аркадий Петрович не назовёт имени своего друга. Да это и не к чему, через сервер внешней разведки получены данные на «Шамана», и его последние фотографии из Калининграда. Мне останется их показать командиру отряда ЧВК, отправляющемуся на боевое дежурство в Венесуэлу.

Аркадий Петрович вышел из кабинета начальника с каким-то нехорошим чувством тревоги, его насторожили вопросы «серого кардинала», Петрович понимал, что начальник не глуп, отнюдь не глуп, просто так он бы не спрашивал за Ильё Борисовича, значит над другом повисла опасность, надо срочно предупредить Шамана и дать втык за непрогнозируемые вояжи в бывшие Калининградские военные объекты. Борисович засветился, сто процентов его выследили, рассекретили, идентифицировали. Теперь Илью даже пластика не спасёт. Надо срочно предупредить друга. У Аркадия был свой компьютерный канал связи через рекламу парфюмерной линии Орифлейм.

Мы всей командой приземлились в Мариборе, весёлые, отдохнувшие, с приподнятым настроением. Смерека – это та, что «белая королева», после душа улетела в центральный парк, там собирается их компания фриков, наша командирша у них в заводилах. Смерека любила всё что блестит и отличается по стилю, но единственное – она не выносила тату. Считала, что любая татуировка уродует тело. «Японцы» засели за игру в нарды, Самар ушел в себя, это у него вместо молитвы такое. Я догадывался, что это аутотренинг, он постоянно старался держать свой дар в форме.

Генерал пришёл ночью, ко мне. Его просьбу я посчитал странной, генерал просил срочно сделать ему операцию, вылепить его, как можно уродливее, желательно, чтобы я выглядел, как после аварии, всё тело должно быть в шрамах, лицо деформировано. Генерал ничего не объяснял:

– Так надо.

И я приступил к работе. Когда закончил лепить лицо, генерал побежал к зеркалу. Он остался доволен – настоящий Квазимодо! Смерека только вернулась с гулянки, при виде генерала она отшатнулась, раздался сдавленный крик. Смерека не могла долго успокоиться:

– Ну, и урод! Тебе не мешки шить, а в кино заниматься оформлением фильмов ужасов.

Я воспринимал её слова, как похвалу своему таланту. Я до последнего не верил, что тело человека можно превратить в пластилин. Генерал остался доволен, ему только правдоподобную историю нужно придумать для братьев-евреев из синагоги. Но за этим не будет задержки, у генерала в памяти тысячи различных историй, в которых пострадавшие выходили калеками и всю жизнь проводили в больницах и аптеках. Лейбе Иосифовичу, можно сказать повезло, он после этого лыжного курорта, ещё передвигается самостоятельно. Теперь Ребе не будет его привлекать в помощники, при изучении Талмуда, но зато теперь ему легче будет попасть в Израиль для исправления творчества Жилы. Илья Борисович чувствовал, что ему нужно было пропасть, на время, затаиться где-то в третьей стране с неславянской историей, чтобы ищейки от разведки потеряли след. Борисович сам себя костил за эту поездку в обитель святого Януария, нужна была ему та лаборатория, и зачем? Он же сам отказался от реставрации проекта, теперь приходится расхлёбывать. Утром Илья Борисович позвал Смереку в свой кабинет, о чём они там разговаривали, никто не знал, Смерека вышла от хозяина озабоченная. Она, как командир, оставалась главной в нашей группе и начальником на производстве, хозяин доверил ей печать и все банковские реквизиты. Бухгалтера у нас не было, поэтому все документы приходилось заполнять самим.

– Производство должно работать, не зависимо от реализации готовой продукции и прибыли мастерской. Мастерская – это ваше лучшее алиби в этой стране – говорил генерал.

Илья Борисович пропал, и вовремя, возле нашего дома стали крутиться подозрительные личности. Я просканировал их мозг, это были исполнители...а наглые какие, они назойливо врывались в нашу мастерскую, шумели, мешали работать, всё это продолжалось до тех пор, пока они не достали Самара своим поведением. Самар разозлился и превратил их в «овощи» на пять лет. Это была не выправляемая кодировка. Их собирали врачи психиатрической больницы целую неделю по всему городу. Больше нас никто не тревожил, я просканировал прилегающую к дому местность. Наружное наблюдение и прослушка остались. Но это не страшно, я знал, что их целью был наш хозяин. Команду я предупредил всё равно. Нас ещё в обители учили следить за языками, а с Самаром мы могли переговариваться с помощью передачи мыслей на расстоянии. Наружное наблюдение через полгода сняли, а осадок в душе остался: за нами наблюдали россияне, некоторых я даже узнал по обители.

Наше путешествие в Венесуэлу не осталось незамеченным, за нами стали охотиться штатовские спецслужбы. Конечно, они проверили все бартерные рейсы в Венесуэлу и для них не осталась незамеченной группа туристов, состоящая из шести человек, и все они были из Словении, из города Марибор. Подозрительно, но их путешествие совпало с попыткой НАТО провести вторжение в непокорную страну. А ещё, в американских спецслужбах появились люди, отдалённо напоминающие нашу команду, только их способности и усилия были направлены на поиск конкретных людей. Я попытался просканировать их, но было слишком мало информации, у меня ничего не вышло, я узнал только имя главного поисковика – Майкл. Это был совсем ещё мальчик, победитель битвы экстрасенсов в Сиэтле, но у него был явный дар, он мог находить человека, как собака, по запаху. Для Майкла неважно было, как ты выглядишь, был бы набор ароматов. Я постоянно сканировал границы дома, границы города, было тер-

пимо, пока я не почувствовал, что нас вычислили, и уже окружают. Не обошлось и без предательства, нас кто-то сдал из людей, работающих в лаборатории, из обители святого Января. Я видел этого человека, но совсем его не помнил, главное, что он помнил нас, и описал, какими мы были. Моими стараниями, никто из команды не соответствовал этому описанию. Опасаться стоило только Майкла, пока мальчик ещё не был в штате спецслужб, у нас была маленькая передышка. Я срочно собрал всю команду, надо было что-то делать. Надо было решить вопрос – как сбить нюх пацану, иначе он нас всех вычислит по одному. Самар задумался, только он мог что-нибудь придумать, а пока... Смерека решила закрыть фабрику, мы оставались без гарантийных средств существования, и всю команду уволить. Она попросила меня найти Илью Борисовича, или как его – Лейбу Иосифовича. Я его не нашёл. Среди живых его не в Израиле, не в России не было, как и во многих других странах. Я сел за компьютер и провёл хронометраж событий. Действительно, Лейба Иосифович был среди пассажиров в самолёте, сбитом палестинской ракетой над Голландскими высотами. Блин! Всё не слава богу, теперь будут проблемы с новыми документами. Смерека смогла решить наши проблемы, через своё общество фриков, молодёжь видно была не в ладах с законом. Если честно, эти документы у нас никто не спрашивал, они не нужны даже при поступлении на работу. Документы спрашивают при попадании в полицейский участок. По мере готовности паспортов наша группа таяла, мы договорились собраться через год, в условном месте. Я уезжал одним из последних: за Смерекой заехали на мотоцикле, и она укатила со своим бойфрендом. Мы же с Самаром пошли на автобусную остановку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.